

ПАМЯТИ
А. П. ЧЕХОВА

ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ РОСС. СЛОВЕСНОСТИ.

1906.

I. Въ сумерки.—II. Изъ воспо-
минаній объ А. П. Чеховѣ.

В. Ладыженскій.

Изъ воспоминаній объ А. П. Чеховѣ.

О Чеховѣ можно писать очень много. Слѣдовало бы припоминать каждую его яркую мысль, останавливаться на каждомъ значительномъ выраженіи, чтобы облегчить этимъ работу его будущаго біографа при восстановленіи этой огромной фигуры въ нашей жизни и литературѣ. Настоящія замѣтки не претендуютъ на это. Въ нихъ мнѣ хотѣлось отмѣтить только нѣкоторыя и притомъ общія черты того цѣлостнаго впечатлѣнія, которое всегда производилъ на меня почившій художникъ.

Познакомился я съ А. П. Чеховымъ въ Петербургѣ, сколько припоминаю, въ самомъ концѣ восьмидесятыхъ годовъ. Въ ту пору собирался кружокъ молодыхъ начинающихъ писателей у А. Н. Плещеева, въ его небольшой квартиркѣ на Спасской площади. А. Н. Плещеевъ, тогда уже старикъ, бившійся съ матеріальной нуждой, — это было еще до полученія имъ наслѣдства, — оставался тѣмъ не менѣе идеалистомъ въ самомъ хорошемъ значеніи этого слова. Работалъ онъ тогда въ журналѣ „Сѣверный Вѣстникъ“ вмѣстѣ съ покойнымъ Н. К. Михайловскимъ. По вечерамъ на его гостепріимный огонекъ собирались молодые писатели и особенно поэты, которымъ онъ покровительствовалъ и выводилъ ихъ въ литературный свѣтъ, и здѣсь до поздней ночи раздавались безконечные споры и лились горячія рѣчи. Чаще другихъ, кажется, кромѣ меня, бывали въ эту пору у Плещеева — Мерезжковскій, Баранцевичъ, проф.

интересуясь громкимъ и запутаннымъ уголовнымъ процессомъ Тальмы въ Пензѣ и разспрашивая меня о вѣроятности преступленія обвиненнаго, Чеховъ говорилъ грустно:

— И вотъ сидитъ онъ теперь на Сахалинѣ—скучный и унылый, и у него вѣчная изжога отъ сырого и дурно пропеченнаго хлѣба,—кому это нужно!

Мнѣ было жаль и досадно до боли, что я не могъ согласиться на предложеніе Чехова. Обаятельная личность товарища по путешествію, возможность смѣны впечатлѣній и настроеній, широкая задача путешествія, которую ставилъ себѣ Чеховъ, — все звало меня съ нимъ... Но для меня начиналась въ это время пора земской дѣятельности и инныя надежды и ожиданія призывали меня...

Разстались мы въ Москвѣ, гдѣ я пробылъ нѣсколько дней и познакомился съ милой и привѣтливой семьей Чехова. Мы вмѣстѣ посѣщали редакціи знакомыхъ журналовъ; при посредствѣ Чехова я приобрѣлъ нѣсколько новыхъ и милыхъ знакомствъ, чувствуя, какъ съ каждымъ днемъ его обаяніе, какъ человѣка, захватываетъ меня все больше и больше. Черезъ нѣсколько дней я уѣхалъ въ глухую провинцію, унося въ душѣ искреннюю, дружескую привязанность къ одному изъ самыхъ милыхъ людей, которыхъ я когда либо встрѣчалъ, и находясь подъ впечатлѣніемъ его огромнаго таланта. И когда на другой день полупустой и холодный вагонъ громыхалъ по пустой и холодной степи, я ни о чемъ другомъ не могъ думать, какъ объ этомъ человѣкѣ.

Прошло много времени. Мы встрѣтились опять въ Москвѣ, уже послѣ путешествія Чехова на Сахалинъ. Мѣсяца два провели мы, постоянно встрѣчаясь. Мы вмѣстѣ бывали въ театрахъ и у многочисленныхъ знакомыхъ, сошлись и подружились окончательно съ неизбежнымъ и традиціоннымъ брудершафтомъ. По-прежнему Чеховъ былъ молчаливымъ и необыкновенно скромнымъ человѣкомъ несмотря на свою извѣстность.

— Былъ со мной въ Петербургѣ смѣшной случай,— рассказывалъ онъ мнѣ.— Сказали мнѣ, что Полонскій очень хотѣлъ бы со мной познакомиться и повезли меня (кажется, Лейкинъ или Голике) на одинъ изъ его журффиксовъ. Ну, пріѣхали мы, знакомимся. При знакомствахъ всегда называютъ фамиліи такъ, что ничего не разберешь. Такъ и тутъ: слышалось не то Чижовъ, не то Чеховъ. Полонскій и остальные гости не обратили на меня никакого вниманія и просидѣлъ я молча цѣлый вечеръ въ уголкѣ, недоумѣвая, зачѣмъ я понадобился Полонскому, или зачѣмъ нужно было знакомымъ увѣрять меня, что я ему интересенъ. Наконецъ, стали прощаться. Полонскому стало неловко и захотѣлось сказать мнѣ что-нибудь любезное. „Вы,— говоритъ онъ мнѣ,— все-таки меня не забываютъ, заживайте когда-нибудь, вѣдь мы съ вами, кажется, и прежде встрѣчались, вѣдь ваша фамилія Чижиковъ?“ — „Нѣтъ, Чеховъ“, сказалъ я.— „Батюшки, что же вы намъ раньше-то этого не сказали!“ закричалъ хозяинъ и даже руками всплеснулъ. „Очень смѣшное приключеніе вышло“, добродушно и конфузливо закончилъ свой рассказъ Чеховъ.

И здѣсь, во время этой московской жизни для меня особенно выяснилась основная черта чеховскаго характера—искренность, буквально не выносившая лжи, заставлявшей страдать душу художника. Лжи мелочной, подчасъ комичной, разумѣется, было не мало въ обществѣ, особенно въ отношеніи Чехова, тогда уже на всю Россію славнаго писателя и моднаго человѣка въ Москвѣ. Какъ тонко онъ отмѣчалъ неискреннія заискиванія людей сравнительно беззаботныхъ по части литературы, и какъ грустно говорилъ: „Что ему Гекуба!“ Но еще больше раздражала его ложь, касавшаяся вопросовъ и убѣжденій общественной жизни.

— Они напились, — говорилъ онъ мнѣ разъ про одну компанію, — цѣловались и пили за конституцію! Ну, ты подумай, зачѣмъ ему (онъ назвалъ фамилію) конституція, когда онъ можетъ строить свое благопо-

лучіе только въ условіяхъ политическаго рабства. Чего они лгутъ?

Кстати объ общественныхъ убѣжденіяхъ. Въ журнальныхъ статьяхъ не разъ упрекали Чехова въ индифферентизмѣ. Послѣ народнической, иногда будировавшей литературы появленіе Чехова производило впечатлѣніе жреца искусства для искусства. Съ самаго начала въ этомъ было уже крупное недоразумѣніе: статьи проглядѣли въ разсказахъ молодого писателя ту художественную правду всей русской дѣйствительности, а не отдѣльныхъ образовъ, которая съ такой силой появлялась въ первый разъ послѣ Гоголя. А такая правда для имѣющихъ очи, чтобы видѣть, стоила, разумѣется, больше поучающаго тона либеральной беллетристики. „Не надо сочинять нарочно стиховъ о плохомъ городовомъ“, говорилъ мнѣ когда-то Чеховъ, и теперь онъ повторялъ приблизительно то же самое о плохихъ беллетристическихъ вещахъ. Но зато какъ высоко ставилъ онъ покойнаго Гл. Ив. Успенскаго, котораго считалъ первокласснымъ художникомъ, какъ часто цитировалъ его. Впрочемъ, недоразумѣніе, о которомъ заговорилъ я, было временнымъ и какъ-то само собой растаяло по отношенію автора „Мужиковъ“ и „Въ оврагѣ“...

Писалъ и работалъ Чеховъ много. По этому поводу у него сложилось опредѣленное убѣжденіе, которое онъ мнѣ не разъ высказывалъ.

— Художникъ, — говорилъ онъ, — долженъ всегда работать, всегда обдумывать, потому что иначе онъ не можетъ жить. Куда же дѣнешься отъ мысли, отъ самого себя. Посмотри хоть на Некрасова: онъ написалъ огромную массу, если сосчитать позабытые теперь романы и журнальную работу, а у насъ еще упрекаютъ въ многописаніи.

Исходя изъ этого убѣжденія, Чеховъ нѣсколько разъ совѣтовалъ мнѣ, бросивъ общественную дѣятельность, отдаться исключительно литературной работѣ. Общественной дѣятельности въ земствѣ онъ очень сочувство-

валъ, но считалъ ее мало возможной по „независящимъ обстоятельствамъ“ и полагалъ, что для нея должны найтись люди, непричастные литературѣ. Дѣйствительно, то было въ этой области мрачное и тяжелое время, при одной мысли о которомъ я теперь содрагаюсь. И какой грустной, но прелестной и вѣрной русской дѣйствительности шуткой кажется одно мѣсто изъ письма Чехова ко мнѣ въ эту пору: „Vive monsieur le membre de l'hôtel de zemstvo! Vive la punition corporelle pour les moujiks! Служи безпорочно, помни присягу, не распускай мужика и, если нужно, то посѣки, всякаго нарушителя долга прощай какъ человѣкъ, но наказывай какъ дворянинъ“. А при свиданіи Чеховъ говорилъ мнѣ:

— Все это хорошо, и дай тебѣ Богъ всякаго успѣха, но по настоящему нужны не школки съ полуголоднымъ учителемъ и не аптечки, а народные университеты.

И когда я прочиталъ почти тѣ же слова, сказанныя отъ имени художника въ прелестномъ разсказѣ „Домикъ съ мезониномъ“, я не удивился, а только обрадовался...

Въ слѣдующую зиму я опять часто видѣлся въ Москвѣ съ Чеховымъ. Его успѣхъ, какъ художника, все возрасталъ. Въ провинціи съ нетерпѣніемъ ждали каждой его новой повѣсти, каждой строчки.

Интересъ къ его вещамъ былъ настолько великъ, что разговоры о новой повѣсти Чехова буквально занимали всю Россію. И дѣйствительно, нельзя было читать безъ огромнаго подъема духа что-либо написанное имъ. Геніальный художникъ завоевалъ свою родину. Въ эту зиму Чеховъ часто бывалъ въ Москвѣ, а жилъ въ своемъ небольшомъ имѣніи Мелихово, Серпуховскаго уѣзда. Не помню теперь, въ эту ли именно зиму, или въ другую Чеховъ въ Москвѣ приглашалъ меня ѣхать съ собой въ Петербургъ на первое представленіе „Чайки“ въ Александринскомъ театрѣ. Какъ сейчасъ помню, что это представленіе было назначено на 17-е октября, и Чеховъ говорилъ мнѣ:

— Поѣдемъ смотрѣть, какъ провалится моя пьеса, недаромъ ставится она въ день крушенія поѣзда.

Когда же я доказывалъ, что такая интересная и поэтическая вещь не должна провалиться, Чеховъ замѣтилъ:

— Напротивъ, должна, непременно должна! Дѣло въ томъ, что большинство актеровъ играетъ по шаблону. Одинъ будетъ стараться представлять писателя, значить, можетъ быть, и загримируется кѣмъ-нибудь изъ извѣстныхъ литераторовъ и будетъ его передразнивать. У нихъ если на сценѣ военный, то непременно поднимаетъ плечи и хлопаетъ каблуками, чего не дѣлаютъ въ жизни военные. Большой, вдохновенный талантъ — рѣдкость, а объ передачѣ настроенія моей пьесы не позаботятся.

Я не могъ поѣхать съ Чеховымъ. Пьеса провалилась на первомъ представленіи, принесла огромное и незаслуженное огорченіе автору. Мнѣ передавала потомъ сестра Чехова, Марія Павловна, что авторъ сбѣжалъ на другой день изъ Петербурга въ совершенномъ отчаяніи и проѣхалъ прямо въ Мелихово, не останавливаясь въ Москвѣ. Долгое время Чеховъ ничего не хотѣлъ слышать о постановкѣ пьесы на сценѣ, а друзья и знакомые старались даже не заговаривать съ нимъ о приключеніи съ „Чайкой“, щадя его нервы.

Всѣ знакомые покойнаго Чехова навсегда, конечно, сохраняютъ воспоминанія о Мелиховѣ. Это былъ уютный уголокъ въ Серпуховскомъ уѣздѣ съ небольшимъ помѣщичьимъ домомъ и маленькимъ садомъ. Хозяйствомъ въ имѣніи завѣдывала Марія Павловна. Тамъ встрѣчало посѣтителей радушіе Павла Егоровича и Евгеніи Яковлевны, родителей Чехова, предупредительная любезность Маріи Павловны и задушевная бесѣда самого хозяина. Чеховъ любилъ этотъ уголокъ средней Россіи, заботливо устраивалъ его обстановку, а это не легко было для него въ ту пору въ матеріальномъ отношеніи, и часто необходимый ремонтъ

производился по частямъ въ ожиданіи гонорара за написанную повѣсть. А въ денежныхъ дѣлахъ Чеховъ былъ деликатенъ до щепетильности. Въ эту пору передавалъ онъ мнѣ, какъ одинъ издатель, буквально выпросившій его рассказъ и заранѣе его рекламировавшій, вручилъ ему, наконецъ, за него какую-то до смѣшного ничтожную плату, если не ошибаюсь — 26 р.

— Вѣдь не могу же я торговаться,—говорилъ Чеховъ.—Съ большой помпой, послѣ всякихъ похвалъ, съ нѣкоторой даже таинственностью вручили мнѣ грошъ. А мнѣ надо лечиться, нужны деньги на Мелихово, а я и говорить объ этомъ не могу.

Хорошо было въ Мелиховѣ, и у гостей дѣлалось на душѣ весело уже съ того момента, когда васъ на порогѣ встрѣчалъ лай двухъ таксъ, которыхъ звали: одну—„Бромъ Исаевичъ“, а другую—„Хина Марковна“... Все было хорошо, умно и прекрасно въ жизни Чехова, кромѣ одного: художникъ былъ боленъ, боленъ чахоткой, и это было извѣстно и всѣмъ его знакомымъ, и ему самому. Это заставляло его лечиться, заботиться о гигиеническомъ образѣ жизни, отлучаться за границу, на югъ, а ему не хотѣлось думать о самомъ себѣ, возиться съ самимъ собой, его интересовала окружающая жизнь, а суть его собственной жизни составляло творчество, для котораго нужно было беречь здоровье... Случалось мнѣ посѣщать Мелихово и лѣтомъ, когда оно было еще лучше и еще уютнѣе, чѣмъ зимой. Маленькій, хорошо ухоженный садъ съ массой цвѣтовъ, небольшой рабочій домикъ, построенный въ саду, гдѣ подолгу разговаривалъ съ своими гостями и работалъ Чеховъ, разговоръ о томъ деревенскомъ хозяйствѣ, которымъ завѣдывала въ безконечныхъ хлопотахъ Марія Павловна,— все это заставляло гостя засиживаться лишній день въ Мелиховѣ и уѣзжать неохотно. Пріятно было бродить въ окрестностяхъ усадьбы, разговаривая съ хозяиномъ, или сидѣть на берегу маленькаго пруда, про который Че-

ховъ говорилъ, что у него тамъ караси, но что онъ намѣренъ дать имъ конституцію... Однажды, въ августѣ или началѣ сентября Чеховъ сказалъ мнѣ, что я пріѣхалъ какъ разъ во-время, чтобы присутствовать при освященіи только что выстроенной школы, которой онъ былъ попечителемъ. Онъ познакомилъ меня съ учительницей, молодой дѣвушкой, если не ошибаюсь, кончившей курсъ въ Серпуховской гимназіи, много шутилъ, называя меня чужимъ инспекторомъ народныхъ училищъ и начальствомъ, и былъ необыкновенно оживленъ и веселъ. Тутъ же обратилъ онъ мое вниманіе на мѣстнаго крестьянина, послужившаго прототипомъ для старосты въ „Мужикахъ“ и указывалъ на своеобразную колоритность его рѣчи. Послѣ мы разговорились о тяжеломъ положеніи народныхъ учителей и учительницъ, и я увидѣлъ въ послѣдствіи нѣкоторыя черты этого положенія въ художественной правдѣ небольшого рассказика „На подводѣ“... Чеховъ вообще необыкновенно хорошо и мягко относился къ окружавшимъ его людямъ, а крестьянамъ Мелихова помогалъ, чѣмъ могъ и какъ могъ.

Очень грустилъ Чеховъ, что приходится разставаться съ Москвой и средней Россіей, которую онъ такъ любилъ, и перебираться по обыкновенію на зиму въ Крымъ. „Ничего не подѣлаешь, ничего не подѣлаешь“, грустно повторялъ онъ и звалъ меня навѣстить его этой зимой въ Крыму. Мнѣ, однако, не удалось его видѣть этой зимой, а весной, когда онъ пріѣхалъ въ Москву, онъ попалъ въ больницу съ обострившейся болѣзью. Выписавшись оттуда, онъ извѣстилъ меня въ нѣсколькихъ строкахъ, что здоровье его совсѣмъ плохо и что онъ продаетъ свои сочиненія Марксу за 75 тысячъ, что это дѣло рѣшенное, и ихъ уже окончательно устроилъ С. Разумѣется, эта продажа была не особенно выгодной для Чехова, но въ ту пору, при необходимости устроить себѣ удобный пріютъ въ Крыму, можетъ быть, неизбежной. Дача въ Крыму, въ Ауткѣ, около Ялты, была дѣй-

ствительно построена превосходная. И самъ Чеховъ, и Марія Павловна заботливо внесли въ нее много изящества и уюта. Попрежнему тамъ воцарилось радушіе и ласка Чехова и его семейства. Только не было уже отца Антона Павловича: онъ скончался раньше и похороненъ въ Москвѣ. Но самъ Чеховъ не могъ помириться съ насильственной необходимостью жить вдали отъ Россіи. Привожу выдержку изъ письма Чехова въ то время, когда онъ устраивалъ свою дачу:

„Большое тебѣ спасибо, что вспомнилъ и прислалъ письмо... Я въ Ялтѣ, повидимому, поселюсь здѣсь и уже строю себѣ дачу для зимовокъ, и уже приглашаю къ себѣ пріятелей и друзей, и даю при этомъ клятву, что въ своей крымской дачѣ я не буду заниматься винодѣліемъ и поить своихъ друзей краснымъ мускатомъ... Зимой я буду жить въ Ялтѣ, лѣтомъ же, начиная съ апрѣля, въ Серпуховскомъ уѣздѣ, въ Мелиховѣ. Итакъ, пріѣзжай въ Мелихово, тамъ, обѣдая, я приглашу тебя въ Крымъ. Караси мои здравствуютъ и уже настолько созрѣли, что хочу дать имъ конституцію. Здоровье мое довольно сносно; все еще не женатъ и все еще не богатъ, хотя Марксъ и купилъ мои произведенія за 75 тысячъ. Возникаетъ вопросъ: гдѣ деньги? Ихъ не шлютъ мнѣ, и, повидимому, мой повѣренный С. пожертвовалъ ихъ на какое-нибудь доброе дѣло или, по совѣту Л. Н. Толстого, бросилъ ихъ въ печь... Не забывай, пиши, пожалуйста, пиши, памятуя, что живу я въ чужой сторонѣ не по своей волѣ и сильно нуждаюсь въ общеніи съ людьми, хотя бы письменномъ“.

Въ другомъ письмѣ, присланномъ мнѣ уже тогда, когда Чеховъ окончательно устроился въ Ялтѣ, звучитъ такая же грусть по Россіи:

„Я все въ той же Ялтѣ. Пріятели сюда не ѣздить, снѣгу нѣтъ, саней нѣтъ, нѣтъ и жизни. *Cogito, ergo sum* и кромѣ этого *cogito* нѣтъ другихъ признаковъ жизни... Вообще напиши подробнѣе, дабы я имѣлъ основаніе считать тебя добрымъ человѣкомъ“.

Осталась и та слава, которая по смерти писателя дѣлается славой его родной стороны.

Чеховъ умеръ рано, въ самый разгаръ своего творчества и могъ бы написать еще много. Но и того, что онъ сдѣлалъ, слишкомъ достаточно, чтобы оправдать и исчерпать смыслъ жизни огромнаго художника. Все это я зналъ, и въ этихъ мысляхъ искалъ утѣшенія. Вѣрныя сами по себѣ, онѣ однако не могли принести утѣшенія: передо мной вставалъ образъ умнаго, добраго, безконечно правдиваго человѣка, осѣненный тѣмъ могучимъ и невѣдомымъ, что принято называть талантомъ. Было мучительно грустно и жаль, безконечно жаль человѣка въ лучшемъ смыслѣ этого слова...

